

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ЛЕОНТЬЕВА

В. А. Иванников

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЛЕОНТЬЕВ — ПЕДАГОГ, УЧЕНЫЙ, РУКОВОДИТЕЛЬ

Впервые я увидел А.Н. Леонтьева в сентябре 1961 г. на лекции, будучи студентом 1-го курса отделения психологии философского факультета МГУ. Лекции проходили в аудитории на первом этаже, где потом располагался практикум, а теперь — учебная часть для лиц с высшим образованием, желающих приобрести вторую специальность, и иностранный отдел. Вошел высокий худой человек с серьезным и загадочным выражением лица, поздравил нас с поступлением в МГУ и начал читать лекцию. Говорил он неторопливо, подбирая слова, так что создавалось впечатление, что он только что создал мысль, которую вам сообщает. Позже я узнал, что это так и было. Я неоднократно был свидетелем того, как Алексей Николаевич готовился к лекции. За 20 минут до начала он набрасывал в блокноте план и во время лекции, изложив какую-то идею, заглядывал в блокнот. У меня сохранился план одной из его лекций, написанный его рукой (на трех небольших листочках). Там было, *про что* говорить, а не *что* говорить.

Лекции были информационно насыщенными, и А.Н. читал их очень серьезно, что было похоже на доклад перед своими коллегами на эту тему. Видимо, поэтому он время от времени утвердительно, а не вопросительно обращался к кому-то из студентов, сидящих на первых рядах: «Ну вы понимаете». При этом улыбался и протягивал руку ладонью вверх, а пальцы изгибались наружу, вниз. Студенты заворожено смотрели на него.

Общую психологию тогда по очереди три года каждому курсу читали А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия. В тот год, когда мы поступили на 1-й курс, студенты 6-го курса (обучение психологов тогда длилось пять с половиной лет), намеревающиеся поступать в аспирантуру, решили вместе с нами прослушать курс Леонтьева (им лекции читал

Иванников Вячеслав Андреевич — член-корр. РАО, докт. психол. наук, профессор кафедры психологии личности ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: vaiv@mail.ru

А.Р. Лурия) и потом рассказывали, что с ужасом осознали, что лекции А.Н. им совершенно непонятны. Вскоре они перестали ходить на эти лекции.

Мне удалось прослушать полные курсы по общей психологии, которые читали А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия для психологов, и курс лекций П.Я. Гальперина для философов. Это были разные психологии, хотя и объединенные идеями культурно-исторической психологии.

А.Н. Леонтьев читал не столько эмпирику, сколько теорию и методологию психологии. При этом многие его лекции были образцовыми по логике изложения и точности формулировок (а я прослушал его лекции несколько раз, так как вел за ним семинарские занятия и считал, что я должен знать, что говорил на лекции профессор). Изданные позже его лекции потеряли «аромат» живой мысли и не передают того «шарма», который возникал при восприятии рассуждающего Леонтьева. Но, несмотря на восхищение многих студентов лекциями, понимали их немногие. Лекции А.Р. Лурия, наоборот, были понятны всем. Когда однажды А.Н. надолго заболел, нам вместо него три лекции читал А.Р. Лурия, и студенты нашего курса были в восторге от того, как просто и понятно он их читал.

Я прослушал лекции А.Р. Лурия по общей психологии тоже неоднократно, потому что вел за ним семинары и был его аспирантом, а значит, был обязан посещать все лекции своего научного руководителя и обсуждать их вместе с ним. Это была подготовка аспирантов к самостоятельной педагогической работе. Александр Романович больше рассказывал о результатах экспериментальных исследований разных авторов, но теоретические аспекты лекций были беднее и слабее, чем в лекциях А.Н. Леонтьева. При этом лекции А.Р. Лурия по нейропсихологии были блестящими, логично построенными, с использованием материалов истории психологии и ясной теорией, которую нельзя было не понять. Именно это и убедило меня, что хорошо читать лекции можно лишь по той тематике, над которой ты сам постоянно размышляешь и ищешь ответы на «проклятые» вопросы.

П.Я. Гальперин читал лекции по своей оригинальной логике. Он выделял нерешенные проблемы общей психологии, в том числе и в работах Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева, и предлагал свое видение проблемы и ее решение, обещавшее прорыв в теории психологии. Это привлекало к нему многих студентов. Лекции А.Н. Леонтьева в основном отражали его работу над какими-то научными проблемами, над тем, что его интересовало в последнее время. Некоторые темы он освещал совсем кратко, а некоторые вообще пропускал, говоря: «Про это много написано и здесь нет больших проблем для понимания».

Читал он в той же манере, как и писал, — многое оставалось в подтексте, что и создавало проблемы в понимании и лекций и текстов. У слушателей и читателей возникали две крайности: либо иллюзия полного понимания, либо осознание полного непонимания того, что он говорил или писал. Однажды при мне профессор из другого вуза уверенно заявил, что все написанное Леонтьевым — чушь, нет ничего конкретного, используются странные понятия, противоречащие здравому смыслу (т.е. житейскому сознанию), и заумная логика рассуждений.

На своем собственном примере я однажды убедился, что до полного понимания идей А.Н. Леонтьева было еще далеко. Я написал статью о принципе рефлекторности в исследованиях поведения животных и попросил А.Н. оценить мое сочинение. В целом он отнесся к статье позитивно, но сделал ряд замечаний и одно пожелание. Я писал, что нельзя построить теорию поведения на основе разных принципов (рефлекс, инстинкт, навык, интеллект) и надо искать общий принцип объяснения поведения. На полях статьи А.Н. написал: «Вот здесь надо вводить понятие деятельности». Я тогда не понял, зачем надо вводить понятие деятельности, потому что в моем сознании понятия поведения и деятельности были синонимами, и даже сейчас можно встретить их употребление как равнозначных. Но это непонимание заставило меня положить статью в стол, где она лежит и сегодня. То есть слова А.Н. я знал, а следствий из его идей не понимал. Теперь, как мне кажется, понимаю. Но остался вопрос: почему А.Н. никогда не разъяснял свою позицию? А может, он разъяснял, но мы этого не понимали. И может, поэтому он никогда никого не критиковал публично за непонимание его идей. На докладе одного из наших коллег я сидел рядом с А.Н., и он неожиданно склонился ко мне и язвительно сказал о докладчике: «Ну теоретик». После таких слов я ожидал жесткой критики докладчика со стороны А.Н., но он после доклада, подводя итоги обсуждения, сказал только, что обсуждаемая проблема сложная и требует большой теоретической работы.

Возвращаясь к понятию «деятельность», хочу привлечь внимание к тому, что А.Н. постоянно пытался внедрить его в психологию. Он не принимал понятие «поведение» в том значении, как оно сложилось в бихевиоризме и рефлексологии, но принимал его как житейское понятие, как обозначение факта наблюдаемой внешней активности живых существ — в том смысле, как мы говорим о наблюдаемом факте движения Солнца и Луны по небосклону. Деятельность была для А.Н. научным понятием, которое необходимо вводить в психологию для адекватного понимания поведения. Если поведение есть физическая картина внешней активности живого существа, то деятельность является решением приспособительных, адаптивных,

или созидательных задач живого существа, представленных в его актуализированных потребностях или в принятых человеком требованиях общества.

Вторым научным достижением А.Н. можно назвать новое понимание мотива деятельности. Не отвергая факт наличия у человека желаний и стремлений как житейских понятий, он ввел понятие мотива как предмета потребности, как того, что удовлетворяет потребность и ради чего осуществляется деятельность. Поэтому деятельностью для Леонтьева была не любая активность человека, а только такая, в которой предмет активности (то, на что она направлена) совпадал с предметом потребности, т.е. с мотивом. Мотив как предмет потребности вводился в качестве научного теоретического понятия, обобщения всего того, что может удовлетворять потребность, и поэтому мотив нельзя понимать как некий объект, в котором нуждается человек. Физический объект (в том числе предмет человеческой культуры) или осознанное желание (цель) могут приобретать для субъекта активности ситуативный временный смысл предмета потребности и тем самым временно исполнять функции мотива. Поэтому в качестве предмета потребности могут выступать несколько объектов, приобретающих временно смысл предмета потребности в конкретных условиях жизни живого существа (например, пищевые объекты), а один и тот же объект может одновременно иметь смысл предмета нескольких потребностей (например, покупаемая одежда отвечает одновременно нескольким потребностям человека — потребности в престиже, эстетической потребности и др.).

Введение понятия мотива как предмета потребности позволяет психологии уйти от постулата непосредственности и при исследовании мотивации деятельности. Вопреки распространенному мнению, мотив, как бы он ни понимался, сам по себе не может инициировать нужное поведение, а понимание мотива как предмета потребности, как того, ради чего осуществляется деятельность, в принципе исключает способность мотива прямо и непосредственно побуждать деятельность. Побуждение к деятельности, а точнее, к действиям, через которые реализуется деятельность, создается как результат особого процесса, начинающегося с актуализации потребности и предполагающего перенос побудительности на объект, приобретший смысл предмета потребности.

А.Н. Леонтьев специально обращал внимание исследователей на то, что цели действий сами по себе не могут побуждать действие, а это означает, что должен быть особый процесс построения побуждения к действию. Роль мотива заключается в запуске этого процесса, первым звеном которого является временный перенос побудительности мотива на цель действия, временно приобретающего смысл целой деятельности (а цель — смысл мотива). Смысл цели и

действия становится тем психологическим механизмом, который временно переносит побуждательность мотива на цель действия. Далее процесс построения побуждения к действию разворачивается как оценка наличия средств действия, владения субъекта навыками их использования, как оценка вероятности успеха и последствий действия для себя и других, как учет своего функционального и эмоционального состояния, как оценка и учет энергетической и временной цены действия, как учет прогноза изменений ситуации и т.д. И только в простой и привычной для субъекта ситуации этот процесс построения побуждения к действию может свернуться и создать иллюзию побуждения действия непосредственно мотивом (подробнее об этом см. в книге: *Иванников В.А. Основы психологии: Курс лекций.* СПб., 2010).

Дело историков психологии установить, кто первым сформулировал идею о развитии психики в деятельности. Я хочу обратить внимание читателей на то, что в работах А.Н. Леонтьева эта идея была центральной. В концепции А.Н. о развитии психики деятельность не только ставит перед субъектом задачу развития психических процессов, обслуживающих психику, но и создает возможности их развития. По мнению А.Н., деятельность первично управляется условиями среды, которым она вынуждена подчиняться. Но завершенная деятельность всегда порождает три результата: во-первых, продукт (предмет потребности), ради которого она и совершалась; во-вторых, образ действий и предметных условий, в которых деятельность развертывалась; а в-третьих, последствия деятельности и отдельных действий для самого ее субъекта и других людей.

Созданный субъектом продукт используется им в такой же деятельности в следующий раз как образец для такого же продукта и тем самым развивает умение человека, что в свою очередь позволяет производить более совершенный продукт и более совершенный образ продукта, условий деятельности и отдельных действий. Порождение новых видов деятельности в жизни человека расширяет каталог умений и знаний, открывающих для него новые возможности. Последствия деятельности не только позволяют оценить степень ее успешности, но и ставят перед субъектом задачу нравственной оценки своих действий. Решение этой задачи позволяет человеку стать личностью, управляющей своей деятельностью на основе отношений к другим людям.

На своих лекциях А.Н. неоднократно говорил, что задача нашей психологии заключается в развитии идей Л.С. Выготского, которого он считал настоящим марксистским психологом. При этом он говорил, что у любой теории есть два варианта будущего: либо ее сдают в неизменном виде в архив науки, либо от нее отталкиваются и идут дальше. Я неоднократно слышал от самого А.Н. Леонтьева, что созда-

ваемую им теорию деятельности он воспринимал как работу по развитию культурно-исторического подхода Л.С. Выготского. Занимаясь в последние годы в основном теоретическими и методологическими проблемами психологии, А.Н. очень поощрял экспериментальные и прикладные исследования сотрудников, аспирантов и студентов факультета.

Мое знакомство с А.Н. как руководителем отделения, а затем и факультета произошло благодаря моей работе в Совете научного студенческого общества (НСО), которое мы (студенты) практически воссоздали в 1964 г. А.Р. Лурия в это время передал свои обязанности куратора НСО своей ученице Л.С. Цветковой, а нам удалось собрать хорошую команду. А.Н. Леонтьев поддерживал все наши инициативы, подчеркивая роль НСО в профессиональном становлении студентов как профессиональных психологов. Он всегда присутствовал на наших ежегодных отчетах НСО, он поддержал идею первой межвузовской научной конференции студентов-психологов, инициировал создание студенческой секции в составе общества психологов СССР, поддержал идею летних психологических школ и неоднократно принимал в них участие как ведущий профессор школы.

Сейчас руководитель организации понимается как менеджер. Но А.Н. не был менеджером. Он был прежде всего лидером коллектива и научным руководителем факультета. Он редко вмешивался в текущие дела и, видимо, плохо понимал эту сторону жизни факультета. Помню один эпизод, невольным участником которого я стал. Третий съезд Общества психологов СССР проходил в г. Киеве в 1968 г., и факультет должен был отправить на съезд какие-то материалы. Я в то время был аспирантом и случайно зашел на факультет. В коридоре первого этажа я встретил А.Н., который радостно сказал: «Хорошо, что вы здесь. Займитесь отправкой материалов на съезд». Я никакого отношения к этому не имел и не знал, о каких материалах шла речь. Пришлось искать человека, знающего об этих материалах, и руководителя хозяйственного отдела, чтобы передать ему это поручение А.Н.

Мало вмешивался он и в организацию учебного процесса со студентами. Когда я стал его заместителем по учебной работе, он мне сказал, что это мой участок работы и я должен его самостоятельно вести. И пожаловался, что моя предшественница Ю.В. Котелова слишком часто отвлекала его на разные случаи со студентами. Я уже был к этому готов, так как годом раньше у нас было создано отделение факультета повышения квалификации для преподавателей психологии разных вузов страны, и А.Н. назначил меня ответственным за это отделение, сказав: «Я вам помогать не буду. Решайте все сами».

Свою задачу в организации учебного процесса Леонтьев видел в подборе лекторов, способных обеспечить высокое качество лекций. При нем на факультете читали лекции А.В. Запорожец и Д.Б. Элько-

нин, В.В. Давыдов и Ф.Д. Горбов, лекции по методологии — М.К. Мамардашвили. Своей главной задачей он считал организацию науки на факультете. Он поддержал идею развития хоздоговоров, в работе которых принимали участие преподаватели, аспиранты и студенты. При этом он постоянно призывал всех думать о теории психологии, о том, чтобы она развивалась «не в куст, а в ствол». Этой цели служили и методологические семинары, которые он много лет вел на факультете.

Алексей Николаевич очень ценил людей, способных самостоятельно мыслить и работать. При этом меня удивляла его готовность полностью передавать другим важные дела, за которые он лично отвечал. Когда я стал зам. декана, то он вскоре попросил меня самостоятельно подписывать все приказы по студентам, а через какое-то время, когда я зашел к нему за подписью на кадровые приказы, он сказал: «Вы их готовите, вы и подписываете». Я удивленно ответил, что это незаконно, на что А.Н. еще раз сказал: «Подписывайте. Все равно за все я отвечаю». Потом такая практика позволила факультету почти без проблем пережить длительную болезнь А.Н.

Благодаря Алексею Николаевичу на факультете была удивительно доброжелательная и рабочая атмосфера. Не было склок, анонимок, научных и житейских конфликтов. Эту атмосферу отмечали все члены комиссий (а они все были с других факультетов) на вступительных экзаменах. И была атмосфера научного поиска, научного праздника. И это ощущение осталось в нашей памяти.

На праздновании 40-летия нашего факультета в 2006 г. кто-то из коллег из Санкт-Петербургского университета отметил: «Мы на праздниках говорим о наших успехах и планах, а вы все время вспоминаете прошлое». Да, нам есть что вспомнить. И мы жалеем, что ушли наши учителя, первым из которых был Алексей Николаевич Леонтьев.